

ИНТЕРВЬЮ

Олег Журавлёв: Локальный активизм в России сильно политизируется

Профессор Школы перспективных исследований Тюменского госуниверситета — о том, почему аполитичный локальный активизм фактически стал политическим движением

Дмитрий Енцов

— Олег, вы приехали в Пермь с лекцией о российском локальном активизме (в рамках семинара «Механизмы и успешные практики гражданского участия в городском управлении», организованного Центром сравнительных исторических и политических исследований при ПГНИУ). Для начала поясните, что это такое? И слово «локальный» здесь в значении «малочисленный» или, скорее, имеет географическую привязку?

— Локальные активисты — это группы людей, которые, объединившись, пытаются решать проблемы, связанные с местом их проживания, проблемы своего района. Например, протестуют против сноса исторического здания или против застройки парка, обустривают детские площадки, вывозят мусор и так далее. Поэтому здесь скорее географическая привязка.

— Когда локальный активизм появился в России?

— Примерно в 1970-х годах. После «оттепельного» взрыва наступил застой и политика малых дел стала парадигмой коллективного действия. Потом началась перестройка, которая привела к политизации общества и к росту различного рода активизма. Затем наступили девяностые, когда стал появляться локальный активизм в современном понимании этого явления. На самом деле он плохо изучен, поэтому назвать точную дату или событие, повлекшее появление активизма как явления, невозможно. Но уже в 2000-е годы к нему было привлечено внимание различными протестами и он стал объектом исследования. Социологи поняли, что это не просто коллектив людей, а некое реальное движение, которое уже нельзя игнорировать.

— И всё же, это именно общественное движение или всё-таки связанное с политикой?

— В этом и особенность российского локального активизма. Он имеет чёткую границу — до и после митингов на Болотной площади в Москве (2011–2012 годы. — *Ред.*). До них активизм был полностью аполитичным, а после — политизировался. И так продолжается до сегодняшнего дня.

— В чём выражалась эта аполитичность, а затем политичность?

— До Болотной было противопоставление политики «реальным делам». Активист рассуждал так: «Мне наплевать на политику и политиков, я буду заниматься делами у себя в районе». После Болот-

ФОТО АЛЕНА УЖЕГОВА

ной активисты уже напрямую высказывали своё отношение к существующей власти — они против неё. Если проще, до 2011 года активисты объединялись вокруг какой-то проблемы, решали или не решали её и распадались. После 2012 года они объединялись, может быть, по тем же причинам, но после решения проблемы уже не распадались, а искали, чем бы ещё заняться, причём сознательно относя себя к оппозиции власти и начиная участие в политике. Пример — выборы муниципальных депутатов в прошлом году в Москве. В них прямо или косвенно участвовали многие локальные активисты. Представить такое лет 10 назад нереально.

— Сегодня активизм стопроцентно политичен или остаются аполитичные группы?

— Конечно же, аполитичных активистов до сих пор много. Но именно политизация явления сделала его известным в обществе. Именно политически активные активисты привлекли к себе наибольшее внимание и тем самым больше всех себя «разрекламировали». Если бы вы брали интервью у активиста в начале 2000-х годов, то он бы ни слова о политике не сказал, а если бы брали у активиста 2010-х годов, то он бы говорил о политике, тем самым формируя «лицо» активизма.

— Локальный активизм равномерно развит по стране или существуют его центры?

— Безусловно, есть два центра — Москва с областью и Санкт-Петербург с областью. В любом другом городе активизм развит значительно слабее и более разрозненный. К сожалению, сейчас изучается активизм исключительно на территории двух центров, региональный пока не так основательно.

— Раз это явление сейчас политизировано, по своим взглядам активисты больше «левые» или «правые»? Правда ли, что активисты в общественном представлении — это молодые люди, скорее студенты?

— Нет такой точной градации по взглядам. В основном, конечно же, это люди с общедемократическими ценностями. Встречаются и националисты, но их значительно меньше, чем остальных. Что касается возраста, то я бы не утверждал, что это «удел» молодых, студентов. Очень часто встречаются активисты и более старшего возраста.

— Можно сказать, что активизм и интернет взаимосвязаны?

— В какой-то степени да, но во время нашего исследования мы встречали немало активистов, которые вообще не пользуются интернетом, а есть и те, кто даже не умеет это делать.

— Можно ли утверждать, что активисты сейчас прямо или косвенно являются частью политических партий?

— Нельзя. Активисты политизированы, но пока не являются членами

каких-либо партий. Да, они могут приходить на митинги, организованные партиями, но пока их мотивирует лишь повестка митингов. Например, Алексей Навальный организует какое-то массовое мероприятие, на него могут прийти активисты совершенно разных взглядов, но лишь потому, что повод для митинга совпадает с их взглядами. Однако это совершенно не означает, что они симпатизируют Навальному или его движению. Вообще, одна из особенностей современных активистов — всё меньшая зависимость от лидеров, вождей. А движение Навального — вождистское.

— Логично предположить, что власть борется с активистами.

— Да, такое есть, но власть не только борется, она может пытаться перехватить повестку каких-либо групп активистов. Например, та же мода и тенденция к созданию «комфортной городской среды» или популярность урбанизма. Власть активно пытается «взять» эти темы себе и зачастую ведёт себя так, будто бы это её инициатива.

— И что в этом плохого?

— Ничего плохого. Казалось бы, это удар по локальным группам, но проблема власти в том, что она может декларировать хорошие дела, но так и не научилась работать с населением. Пока используется популярная повестка, количество активистов не сокращается, а наоборот, увеличивается. То есть происходит не объединение власти и активистов против какой-то проблемы, а наоборот, активизм стал как бы противопоставлять себя действиям власти, как и власть — активистам. Власть могут кооптировать аполитичные группы, но кооптировать политически активные, думаю, уже невозможно.

— А зачем власти противопоставлять себя активистам, раз это не такое уж массовое движение? Пусть себе делают полезные дела на локальном уровне, помогают «на местах», так сказать.

— Власть видит в нём опасность. Да, вроде бы активистов немного. Если сопоставить их количество с общим количеством жителей Москвы, то вроде бы совсем небольшой процент населения. Но зачем тогда «вставлять палки в колёса»? Взять те же муниципальные выборы. Полномочий у муниципальных депутатов немного, но даже на этом уровне шло и идёт активное противодействие.

— Предположим, что власть взяла весь список целей активистов